

Семен Юшкевич

Евреи

Семен Юшкевич. Еврейское счастье.

СПб., "Северо-запад пресс", 2004

OCR Бычков М. Н.

1

Трудовой день кончился. Большой двор, где помещались склады торговцев старого железа, постепенно погружался в тишину... Уходили рабочие, запыленные, усталые, и все, будто сговорились, шли, опустив головы, -- приказчики закрывали склады большими ключами, похожими на топоры, а хозяева, наблюдая за ними, торопливо отдавали приказания на следующий день.

Спускалась ночь, безмятежная, тихая. В дворницкой показался свет, и такой же безмятежный, тихий, -- он пал во двор.

-- Где Нахман? -- раздался чей-то голос.

От горки железных тюков отделилось несколько рабочих. Сейчас же к ним вышел хозяин, худенький, жалкий, в заплатанном сюртучке, с рыжей бороденкой, торчавшей клином набок, и, заговорив с ними, стал производить расчет.

-- Где Нахман? -- поминутно спрашивал он и, с беспокойством оглядываясь, внимательно искал глазами подле складов и горок тюков.

Рабочие стояли в беспорядке, а один из них, худой и крепкий, в грязной рубаше с разорванным воротом, -- и по подергиванию плеч видно было, как это мешало ему теперь, хватая себя за лоб, по пальцам проверял получку, не зная, как увериться, что он не ошибся.

Когда счета были, наконец, окончены и рабочие, попросив напрасно на чай, хмурые, двинулись к воротам, -- неизвестно откуда появился Нахман и, подавая человеку с рыжей бороденкой толстый ключ, громко и отчетливо сказал:

-- Хозяин, дайте мне расчет.

Лицо у него теперь было серьезным и упрямым, и хозяин, пристально посмотрев на него, сейчас же с жаром заговорил... Заложив руки в карманы, Нахман спокойно слушал возражения и, когда нужно было хозяину ответить на вопрос, настойчиво повторял одно:

-- Дайте мне расчет, дайте мне расчет.

Они медленно пошли к воротам, а хозяин все говорил о том же на разные лады и оттого, что чувствовал бессилие и ненужность своих слов, начал просить, а Нахман, мотая головой, упрямо твердил:

-- Я не могу больше, дайте мне расчет...

Накануне вечером это было окончательно им решено. На квартире, где он жил, его уже ждал сундучок со сложенными вещами, и, едва слушая хозяина, он думал только о том, какое будет наслаждение взвалить сундучок на плечи и убежать из этой улицы, куда глаза глядят.

Три года прошло с тех пор, как он поступил на службу, и эти три года, проведенные здесь, среди торговцев-евреев, были годами большой школы страдания, страдания собственного, чужого, проникновения в жизнь и мучительного роста собственного сознания. Теперь он вступал уже в тот возраст, когда кончается расслойка чувств и начинают действовать определенные симпатии и настроения, -- когда всякий поступок, влечение должны быть непременно исполнены, удовлетворены, хотя бы и во вред себе. Постоянно в труде, черном и тяжелом, выросший на воздухе пригородных дворов, он до службы жил жизнью чернорабочего, и оттого, что большую часть дня он проводил в борьбе с неодушевленными, грубыми предметами, для которой он напрягал и силу своих мускулов и упрямство воли, -- он вырос здоровым, крепким молодцом, смелым и самостоятельным. Он с трудом понимал страх и на службе с удивлением глядел на окружавший его люд евреев-торговцев, таких испуганных, замученных, -- и был холоден к ним. В его настроении здорового, познавшего тяжесть и крепость предметов, человека, который победил их: землю, камень, железо, кладь, -- ему казалось все поборимым, все доступным для сильной спины, сильных рук и негибающихся ног. И подобно тому, как он не знал и едва догадывался о страхе, молодой и неопытный, он еще меньше боялся жизни и думал о ней так же легко, как о гряде камней, которую нужно перетаскивать с одного места на другое.